

раннѣйшихъ партій политическихъ недостаточно еще выяснены; и стало быть, стараться понять партіи игнатіанъ и фотіанъ при помощи исторіи партій зеленыхъ и голубыхъ—значить объяснять извѣстное неизвѣстнымъ. Добавивъ къ этому, что начало появленія церковныхъ партій въ Византіи слѣдуетъ приурочивать не къ патріаршеству Меодія, какъ дѣлаетъ магистрантъ (стр. 30, 37), а къ патріаршеству Тарасія и къ эпохѣ седьмага вселенскаго собора, оппонентъ высказалъ убѣжденію, что все-таки не въ борьбѣ этихъ партій заключалась истинная причина вторичнаго низложенія и изгнанія Фотія, а скорѣе въ интригахъ Стилиана Заутцы (отца Зои, четвертой жены императора Льва).

Заканчивая свои выраженія, оппонентъ указалъ еще на ошибочность объясненія диспутантомъ должности *прото-ставарія*: это не гражданскій (сенаторскій) чинъ, какъ думаетъ диспутантъ вслѣдъ за проф. Скабалановичемъ (стр. 96, прим. 2), а скорѣе военный. По крайней мѣрѣ, самое словопроизводство (*σλαδης*—мечъ) наводитъ на мысль о первомъ оруженосцѣ.

Оживленные пренія молодыхъ ученыхъ-товарищей по всѣмъ этимъ пунктамъ затянулись очень долго, при чемъ съ той и другой стороны была обнаружена солидная эрудиція и самое искреннее увлеченіе предметомъ научныхъ своихъ занятій.

Наконецъ, также въ качествѣ неофициальнаго оппонента высказалъ нѣсколько краткихъ замѣчаній преподаватель Виѣанской духовной семинаріи Н. И. Виноградовъ.

По окончаніи всѣхъ преній о. Ректоръ академіи, собравъ голоса членовъ Совѣта, объявилъ, что защита диспутанта признала Совѣтомъ удовлетворительною и потому установленнымъ порядкомъ Совѣтъ будетъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи его въ степени магистра богословія.

Диспутъ закончился обычнымъ пѣніемъ „Достойно есть“ около 9 часовъ вечера.

На той же недѣлѣ, въ четвергъ (18 марта), и въ той же самой академической аудиторіи происходилъ другой магистерскій диспутъ (коллоквиумъ): преподаватель Таврической духовной семинаріи священникъ Николай Ильичъ

Ильинскій защищалъ представленныя имъ для полученія степени магистра богословія труды свои: 1) „Синтагма Матѳея Властаря. *Изслѣдованіе*“ (1—239 стр. Москва 1892 г.) и 2) „Собраніе по алфавитному порядку всѣхъ предметовъ, содержащихся въ священнѣхъ и божественнѣхъ канонахъ, составленное и обработанное смиреннѣйшимъ іеромонахомъ Матѳеемъ, или алфавитная Синтагма Матѳея Властаря. *Переводъ съ греческаго*“ (стр. I—XII—410+LII. Симферополь 1892 г.).

Въ обычномъ краткомъ біографическомъ очеркѣ (curriculum vitae), прочитанномъ предъ началомъ диспута, секретарь академіи сообщилъ собранію, что магистрантъ—сынъ священника села Михайловскаго, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи. Образование свое онъ получилъ въ Тульскомъ духовномъ училищѣ (1862—66 г.), затѣмъ въ Тульской дух. семинаріи (1866—73 г.) и наконецъ въ Московской дух. академіи (1873—77 г.), гдѣ окончилъ курсъ наукъ по существовавшему въ то время церковно-практическому отдѣленію со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній.

Службную дѣятельность свою Н. И. Ильинскій началъ въ сентябрѣ 1877 г. въ качествѣ преподавателя греческаго языка въ Таврической дух. семинаріи; а съ 30 ноября 1881 г. онъ состоитъ въ той же Таврической семинаріи преподавателемъ литургики, гомилетики и практическаго руководства для пастырей. 2 февраля 1879 г. преосвященнымъ Таврическимъ Гуріемъ онъ былъ рукоположенъ во священника къ Срѣтенской церкви, что при Таврическомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ; затѣмъ въ январѣ 1881 г. опредѣленъ былъ на священническое мѣсто къ церкви дѣтскаго пріюта графини Адлербергъ, а 22 декабря того же года перемѣщенъ, согласно прошенію, на настоятельское мѣсто къ Андреевской церкви, что при Сиротскомъ домѣ тайнаго совѣтника Фабра.

Кромѣ этого мѣста и должности преподавателя духовной семинаріи, о. Николай занимаетъ въ настоящее время еще нѣсколько должностей. Такъ, онъ состоитъ законоучителемъ Симферопольской женской гимназіи и Епархіальнымъ Таврическимъ экзаменаторомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же и членъ

различныхъ епархіальныхъ учреждений—административныхъ и благотворительныхъ: цензурнаго комитета, училищнаго совѣта, миссіонерскаго комитета, комитета по устройству пріюта для призрѣнія вдовъ и сиротъ Таврическаго духовенства.

При такой сложной и разносторонней служебной дѣятельности о. Н. И. Ильинскій находить все-таки время и силы для дѣятельности литературной. Кромѣ упомянутыхъ обширныхъ трудовъ, представленныхъ имъ на соисканіе степени магистра богословія, перу его принадлежитъ нѣсколько проповѣдей и рѣчей, напечатанныхъ въ Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и статья подъ заглавіемъ: „Очеркъ состоянія духовно-учебныхъ заведеній въ Россіи въ текущемъ столѣтіи“ (актовая семинарская рѣчь по случаю исполнявшагося 25-лѣтія царствованія императора Александра II, —напечатана въ Тавр. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1880 годъ, вышла потомъ и отдѣльной книжкой).

Возраженіямъ оппонентовъ предшествовала пространная рѣчь магистранта, въ которой онъ постарался выяснитъ значеніе Синтагмы, какъ практическаго руководства по церковно-гражданскому законовѣдѣнію; и ознакомилъ слушателей съ исторіей своего многолѣтняго труда; при этомъ съ глубокою благодарностію ораторъ припомнилъ имена преосвященнаго Алексія Литовскаго, подъ руководствомъ котораго (еще въ бытность его профессоромъ церковнаго права въ Московской духовной академіи) онъ началъ свою работу, и преосвященнаго Гурія Таврическаго, который постоянно оказывалъ ему содѣйствіе и помощь, предоставляя въ распоряженіе его собственную бібліотеку и выписывая нужныя для него книги и рукописи; а въ заключеніе рѣчи магистрантъ подвергъ обстоятельному разбору тѣ критическія замѣчанія, какія были высказаны по поводу его изслѣдованія и перевода въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“ 1893 г. № 7).

Послѣ рѣчи магистранта начались ученые пренія, при чемъ оффиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческаго языка И. Н. Корсунскій и доцентъ по кафедрѣ церковнаго права П. А. Заозерскій. — Изъ нихъ первый началъ рѣчь свою заявленіемъ, какое онъ сдѣлалъ еще ранѣе диспута въ оффиціальному отзывѣ,

представленномъ въ Совѣтъ академіи, — именно: если бы о. Ильинскій представилъ на соисканіе степени магистра богословія одинъ только первый изъ поименованныхъ выше трудовъ своихъ (т. е. изслѣдованіе о Синтагмѣ Матеея Властара), то и тогда, въ виду и почтеннаго объема и высокихъ внутреннихъ достоинствъ этого труда, онъ заслуживалъ бы искомой ученой степени, а онъ представилъ не только *изслѣдованіе* о Синтагмѣ, но и *переводъ* ея на русскій языкъ, — переводъ, изобилующій множествомъ ученыхъ подстрочныхъ примѣчаній, основанный на тщательномъ изученіи самаго текста (среднегреческаго византійской эпохи) и вмѣстѣ источниковъ и пособій, такъ или иначе касающихся Властаревой Синтагмы. Оба эти труда стоятъ въ тѣснѣйшей внутренней связи одинъ съ другимъ; тѣмъ не менѣе, по недостаточности времени, оппонентъ нашелъ полезнымъ и удобнымъ подѣлить возраженія съ своимъ со товарищемъ по оппозиціи. Предоставляя послѣдному возражать противъ *изслѣдованія* магистранта, онъ, какъ специалистъ греческаго языка, взялъ на свою долю собственно второй трудъ о. Ильинскаго — переводъ Синтагмы и на немъ сосредоточилъ всѣ свои возраженія.

Установивъ общее положеніе, что всякій переводъ долженъ быть по возможности *точенъ*, *ясенъ* и *чистъ*, онъ указалъ въ переводѣ магистранта нѣсколько погрѣшностей въ этихъ отношеніяхъ, — погрѣшностей, впрочемъ, весьма немногочисленныхъ и зависѣвшихъ большею частію отъ неустановленности терминовъ.

Такъ, *ἐπιστροφῆς* на стр. 4—5 у магистранта переведено словомъ „покаянія“. По мнѣнію же оппонента, точнѣе слѣдовало бы перевести: „вниманія“, „замѣчанія“ (какъ у Софокла, Еврипида, Ксенофонта), или „взысканія“, „наказанія“ (какъ у Демосоена, Полибія и др.), или наконецъ „обращенія“ (какъ въ Дѣян. XV, 3; Сир. XLIX, 3; XVIII, 21), только во всякомъ случаѣ не „покаянія“, чего *ἐπιστροφῆς* никогда не значить и для чего употребляются спеціальные термины *μετάνοια* и *μεταέλις*. — Диспутантъ въ оправданіе своего перевода сослался на славянскій (Синодскій) переводъ втораго правила св. Григорія Писскаго, съ которымъ разсматриваемое мѣсто Синтагмы стоитъ въ очевидной связи.

Далѣе, на стр. 196 *ὁμοφρόσιον* переводится у магистранта

словомъ „ожерелье“, тогда какъ оно значить собственно „на плечахъ носимое“, „наплечникъ“. По Дюканжу, *ὀμοφόριον* первоначально означало покрывало, которое носили женщины на головѣ и плечахъ; а у Льва Грамматика это прямо говорится о Пресв. Богородицѣ; всѣмъ извѣстна также часть архіерейскаго облаченія съ именемъ „омофоръ“. Для обозначенія же ожерелья употребляются слова—*περιτορήλιον*, *ὀμοφόρος* и под.

На стр. 279 въ надписаніи первой главы, по мнѣнію оппонента, для *μάντεων* болѣе подходилъ бы терминъ „прорицатели“, а не терминъ „волшебники“; для *ἐπαυδῶν* — „обаятели“, а не „чародѣи“, и т. д. — На это замѣчаніе магистрантъ отвѣтилъ, что значеніе всѣхъ указанныхъ терминовъ слишкомъ неустойчиво и съ рѣшительною определенностію едвали можетъ быть утверждаемо.

На стр. 366 слова подлинника: *ἐναργῆς δὲ τῆς τοῦ ποιητοῦ σκαιότητος εἰχὼν* магистрантъ переводить такъ: „ясный образъ мрачной злобы лукаваго“. Такой переводъ оппонентъ призналъ и нескладнымъ, и неточнымъ, потому во-первыхъ, что для слова „мрачной“ въ подлинномъ текстѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго, а во-вторыхъ потому, что *σκαιότης* (отъ *σκαίος*, лат. *saevus*—лѣвый, неловкій, неудачный, несчастный) не означаетъ собственно „злобы“.

Наконецъ, въ одномъ случаѣ различіе въ переводѣ оппонента и магистранта объяснилось тѣмъ, что они имѣли подъ руками не одно и тоже изданіе греческаго текста Синтагмы, а различныя: у оппонента было изданіе Беверегія, у магистранта новѣйшее изданіе Ралли и Потли.

Вообще же проф. Корсунскій призналъ переводъ о. Ильинскаго трудомъ весьма тщательнымъ, составляющимъ цѣнный вкладъ въ отечественную науку, заслуживающимъ поэтому полнаго уваженія и довѣрія.

Подобно первому оппоненту, и второй изъ нихъ — доцентъ П. А. Заозерскій—началъ свою бесѣду съ магистрантомъ самымъ лестнымъ похвальнымъ отзывомъ объ ученыхъ трудахъ его. Но, отдавая полную дань уваженія этимъ почтеннымъ трудамъ, оппонентъ не могъ, конечно, не отмѣтить въ нихъ нѣкоторые недосмотры и ошибочные тезисы.

Прежде всего, въ краткомъ историческомъ очеркѣ Но-

мокапоновъ, изложенномъ во введеніи, магистрантъ не обратилъ должнаго вниманія на монографію знаменитаго византиниста Zachariae: „Die griechischen Nomokanones“ (1877). Зная эту монографію и вскользь упоминая о ней (въ примѣчаніяхъ на стр. 10—12), о. Ильинскій не придалъ ей надлежащаго значенія. Отъ этого случилось, что онъ въ своемъ изслѣдованіи держится невѣрнаго взгляда на образованіе византийскаго Номоканона, — того взгляда, который послѣ труда Zachariae оказывается уже устарѣвшимъ и въ настоящее время едва ли къмъ раздѣляется. Если же магистрантъ имѣлъ свои особыя какія-нибудь основанія не соглашаться съ выводами Zachariae, то онъ долженъ былъ бы изложить эти основанія и показать, почему отдаетъ предпочтеніе старому взгляду канонистовъ и почему выводы авторитетнѣйшаго византиолога кажутся ему неубѣдительными. — Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, вполнѣ признавъ его справедливость, магистрантъ объяснилъ, что, живя въ отдаленномъ Симферополѣ, онъ получилъ упомянутую монографію Zachariae слишкомъ уже поздно, когда сочиненіе его было совсѣмъ приготовлено къ печати и даже печаталось. Поэтому онъ и не имѣлъ возможности сужденіямъ знаменитаго византиолога удѣлить больше мѣста въ диссертациі, какъ они того заслуживали.

Какъ мало вниманія обратилъ магистрантъ на взгляды Zachariae, такъ же мало значенія придалъ онъ сужденіямъ Biener'a и Heimbach'a. Потому въ книгѣ его съ рѣшительностію утверждается тезисъ, что Матеей Властарь пользовался Василиками, что „этотъ сборникъ былъ однимъ изъ главныхъ руководствъ Властаря по части гражданскаго законовѣдѣнія и послужилъ источникомъ для многихъ гражданскихъ постановленій въ титулахъ *νόμος* его Синтагмы“ (стр. 152 и слѣд.). А между тѣмъ, Heimbach со всею пагубностію и непосредственною убѣдительностію обосновалъ оспариваемое магистрантомъ предположеніе Biener'a, что Властарь по самымъ обстоятельствамъ времени своего не могъ пользоваться Василиками. Оспаривая Biener'a, осторожно высказавшаго свое предположеніе въ 1824 г., магистрантъ очевидно долженъ былъ бы имѣть дѣло съ Heimbach'омъ, подтвердившимъ предположеніе предшественника учеными доводами въ 1870 г. Эти доводы Heimbach'a за-

служиваютъ полнаго вниманія и могутъ быть сведены вкратцѣ къ слѣдующимъ положеніямъ: въ то время, когда жилъ Властарь и писалъ свою Синтагму, Василики оставались почти безъ всякаго употребленія. Причина этого скрывалась частію въ огромной массивности кодекса Василикь, частію же въ самомъ характерѣ ихъ. Огромная масса книгъ была препятствіемъ къ тому, чтобы находилось много ревнителей къ списыванію ихъ; и вотъ уже въ вѣкъ Θεодора Вальсамона, т. е. въ исходѣ XII в., число этихъ кодексовъ было столь мало, что даже въ Александріи погибла память о нихъ (Маркъ, патріархъ Александрійскій, писалъ Вальсамону, что Василики не дошли въ ихъ страну и у нихъ совершенно неизвѣстны). Эта же массивность кодекса Василикь побудила автора Синописа къ тому, чтобы выбрать лишь важнѣйшія мѣста Василикь и расположить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ. И Синописисъ этотъ, какъ удобнѣйшій для пользованія, хотя не устранилъ совсѣмъ изъ употребленія Василикь, однако же несомнѣнно весьма уменьшилъ его. Равнымъ образомъ, и тѣ *juris manualia*, которыя были скомпилированы въ X и слѣд. вѣкахъ, хотя опирались по большей части на фундаментъ Василикь, однако же въ свою очередь способствовали сокращенію употребленія ихъ. — И по самому характеру своему Василики не могли привлекать людей къ усердному списыванію ихъ: въ нихъ именно заключалось многое такое, что не имѣло никакого значенія уже для современниковъ Вальсамона. Съ одной стороны, императоръ Левъ Мудрый занесъ въ Василики очень многое изъ Дигестъ, что было отмѣнено еще новеллами Юстиніана; съ другой стороны, изъ книгъ Юстиніанова права въ Василики занесены были многіе законы, значеніе коихъ ограничивалось лишь опредѣленнымъ промежуткомъ времени и имѣло въ виду лишь опредѣленныя мѣстности. Наконецъ, измѣненія въ правѣ, послѣдовавшія послѣ публикаціи Василикь и произведенныя позднѣйшими узаконеніями, способствовали также уменьшенію пользованія Василиками и значительному сокращенію ихъ разными писцами при списываніи. Неудивительно поэтому, что въ вѣкъ Вальсамона цѣлостныхъ кодексовъ Василикь внѣ столицы уже не существовало. А немногіе кодексы ихъ, имѣвшіеся въ Константинополѣ, погибли въ большей

своей части при завоеваніи его Латинянами въ 1204 г. Такимъ образомъ, представляется въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы Матѳеѣ Властарю, жившій въ XIV в., могъ пользоваться Василиками при составленіи своей Синтагмы.

Къ этимъ доводамъ, изложеннымъ и заимствованнымъ у Heimbach'a, оппонентъ присоединилъ еще отъ себя два слѣдующихъ соображенія, клонящихся также къ опроверженію тезиса магистранта:

1) М. Властарю, составляя свое *juris manuale*, безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду написать не какую-либо ученую диссертацию, помѣщая въ ней всякія доступныя ему свѣдѣнія, а *практическое руководство* познанія права. Но Василики для него были такою же архаическою вещью, какъ для насъ теперь Судебникъ Іоанна III. Ужели было бы благо-разумно помѣщать послѣдній въ видѣ источниковъ дѣйствующаго права напр. въ Уставѣ духовныхъ Консисторій?

2) Достопримѣчательно также, что современникъ Властаря, гражданскій судья Константинополскаго Арменопуло, при составленіи своего *шестикнижія*, положилъ въ основаніе своего свода не Василики, а Прохиронъ Василія Македонскаго, Василиками же совсѣмъ не пользовался. Такъ поступилъ свѣтскій ученый юристъ и опытный практикъ судья: зачѣмъ же было Властарю—капописту и монаху—пользоваться Василиками, если и самыя гражданскіе судьи и юристы считали ихъ ненужнымъ старымъ?—

Отстаивая свое убѣжденіе, что Матѳеѣ Властарю пользовался Василиками, магистрантъ заявилъ, что къ этому убѣжденію его привело внимательное сличеніе текста многихъ гражданскихъ законовъ Синтагмы съ подлиннымъ текстомъ Василикѣ.—Авторитетъ ученыхъ издателей Ралли и Потли также на его сторонѣ, ибо и они утверждаютъ, что Властарю были извѣстны Василики.—Что же касается доводовъ Heimbach'a, разъясняющаго, какъ и почему Василики были чрезвычайно непопулярны и рѣдкостны въ XII—XIV вв., то силу этихъ доводовъ магистрантъ попытался ослабить простымъ предположеніемъ, что Властарю могъ имѣть подъ руками и читать Василики, живши на Аѳонѣ.

Обращаясь затѣмъ ко второму труду о Ильинскаго, оппонентъ выразилъ сожалѣніе, что онъ въ своемъ переводѣ

Синтагмы урѣзалъ подлинникъ, — перевелъ только среднюю часть, а введеніе и эпилогъ оставилъ непереведенными. — Въ оправданіе своего поступка переводчикъ объяснилъ, что Синтагму составляетъ собственно сборникъ правилъ, расположенныхъ въ 24 отдѣлахъ по алфавиту отъ α до ω , — имъ онъ и ограничился въ своемъ переводѣ. Впрочемъ, согласился, что введеніе (протеорію) слѣдовало бы перевести, но никакъ не эпилогъ.

Въ разсужденіи перевода, оппонентъ указалъ нѣсколько неточностей, происшедшихъ отъ недостаточнаго знакомства переводчика съ техническимъ юридическимъ языкомъ византійскаго права.

Заканчивая свои замѣчанія, оппонентъ прочиталъ одинъ, крайне невразумительный, отрывокъ изъ стариннаго рукописнаго славянскаго перевода Синтагмы („о степенѣхъ брака“) и высказалъ о Ильинскому глубокую благодарность за его переводъ не только отъ лица ученыхъ, но и отъ лица простыхъ любителей чтенія „божественныхъ книгъ“.

Въ качествѣ частнаго оппонента сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній преподаватель Виоанской духовной семинаріи Н. И. Виноградовъ.

По окончаніи всѣхъ преній о. Ректоръ собралъ голоса членовъ Совѣта и объявилъ, что защита признана удовлетворительною и что Совѣтъ академіи будетъ ходатайствовать объ утвержденіи о. Ильинскаго въ степени магистра богословія.

Ученое торжество закончилось обычнымъ молитвословіемъ.

А. Шосткинъ.
